

ния Севера. В записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. М.; Л., 1962. Об экспедиции на Печору М.К. Азадовский узнал из письма от 10 сентября 1942 г., по-видимому, А.П. Разумовой. См.: *Азадовский М.К. Письма молодых фольклористов // Новая Сибирь: Лит.-худож. альманах. Иркутск, 1945. Вып. 15. С. 86* (опубликовано без указания имен корреспондентов).

¹⁸ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Орлову» (1819). В оригинале: «На генерала Киселева / Не положу своих надежд».

¹⁹ Машезерский Виктор Иванович (1902 — не позднее 1978) — историк, специалист по истории становления советской власти в Карелии. В 1937—1941 и 1950—1965 гг. являлся директором Карельского научно-исследовательского института культуры (впоследствии: Института истории, языка и литературы Карельского филиала Академии наук). В начале войны ушел в армию. См. о нем: Годы свершений / АН СССР. Карел. фил. Петрозаводск, 1986. С. 79—84; От издательства // *Машезерский В.И. Победа Великого Октября и образование советской автономной Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 3.*

²⁰ Соймонов Алексей Дмитриевич (1918—1995) — фольклорист, ученик М.К. Азадовского по Ленинградскому университету. В 1941 г. являлся заведующим сектором фольклора Карельского научно-исследовательского института культуры. С началом войны ушел на фронт; после ее окончания работал в Пушкинском Доме. См.: *Горелов А.А. Памяти фольклористов — коллег, наставников, товарищей // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31. С. 449—450.*

²¹ Чистов Василий Васильевич (1916—2003) — один из первых учеников М.К. Азадовского по Ленинградскому университету. Старший брат К.В. Чистова. В довоенное время осуществил несколько фольклористических публикаций. По сообщению К.В. Чистова, на последних курсах университета В.В. Чистов по рекомендации властных структур усиленно изучал испанский язык. Предполагалось, что он будет направлен переводчиком в Испанию, в которой в это время шла гражданская война. Заграничная командировка не состоялась в связи с победой фашистского режима Франко. В 1937 г. В.В. Чистов, знавший три иностранных языка (немецкий, английский и испанский), был направлен на работу в Москву в Наркомат внешней торговли. Начало Великой Отечественной войны он встретил на дипломатической службе в Германии и, согласно международному праву, через Югославию и Турцию был переправлен в СССР. Опубликовано письмо М.К. Азадовского к В.В. Чистову от 10 сентября 1942 г. (Из писем М.К. Азадовского (1941—1954) / Публ. Л.В. Азадовской // *Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 214—216.*)

²² Имеются в виду преподаватели Ленинградского университета, эвакуированного в Саратов.

²³ Азадовский Константин Маркович — сын М.К. Азадовского, литературовед, специалист по эпохе «серебряного века». Родился 14 сентября 1941 г. в Ленинграде (см.: *Азадовская Л.В. Сердце не знало покоя // Воспоминания о М.К. Азадовском / Сост., предисл., прим. И.З. Ярневого. Иркутск, 1996. С. 22.*) Подготовил к изданию письма своего отца. См.: *Азадовский М.К., Оксман Ю.Г. Переписка. 1944—1954. М., 1998.*

²⁴ Азадовская Лидия Владимировна (1904—1984) — жена М.К. Азадовского. Закончила Высшие курсы библиотековедения в Ленинграде. После кончины М.К. Азадовского много сделала для публикации его трудов. Напечатала письма ученого (см.: раздел «Письма» в сборнике: *Азадовский М.К. Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 150—188; Из писем М.К. Азадовского (1912—1941) // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 199—273; Из писем М.К. Азадовского (1941—1954) // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 205—276.*)

Публикация и комментарии Т.Г. ИВАНОВОЙ
(Санкт-Петербург)

«МОЯ ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЕЧОРУ — ЭТО БЫЛ 42-Й ГОД» (из воспоминаний А.П. Разумовой)

Говоря о «фольклоре войны», о «фронтовом» или «тыловом» фольклоре, мы, как правило, подразумеваем либо исполнение фронтовиками текстов крестьянской фольклорной традиции, либо материал, появление и бытование которого было обусловлено социокультурной ситуацией военного времени. Записей, отражающих жизнь традиционной культуры в деревне в те годы, по понятным причинам, было сделано достаточно мало. Именно с такого уникального полевого опыта начала свой путь в фольклористике Александра Павловна Разумова — впоследствии известный исследователь, собиратель и публикатор¹. В 1941 г. Петрозаводский университет, в котором тогда училась А.П. Разумова, был эвакуирован в Сыктывкар. Сейчас трудно представить, что и тогда, в первые годы войны, в самое страшное и тяжелое для страны время в университете не только продолжались учебные занятия, но и проводилась полевая практика: летом 1942 г. несколько студентов были направлены в различные деревни, расположенные по берегам Печоры и ее притоков. «Эта Печорская экспедиция для меня была началом моей работы по фольклору», — сказала Александра Павловна, делаясь воспоминаниями в день своего девяностолетнего юбилея 1 мая 2001 г. 16 января 2004 г. А.П. Разумовой не стало. Из ее рассказа, сохранившегося на аудиопленке, мы публикуем фрагмент, посвященный одному из самых ярких и драматичных моментов собирательской работы на Печоре, — записи причитаний, звучавших во время обряда проводов мужчин на фронт.

...Мы — шесть человек: я, дочка ректора Митропольского — Нина Митропольская, бывшая наша студентка, но теперь она уже на пенсии, — профессор Лупанова, потом, значит там, Сапожникова, потом Перевалова и ещё кто-то шестой. Шесть нас было человек. Мы приехали на Печору, нас распределили эти два руководителя. Сельсовет дали каждому и сказали, что вот вы будете в районе Нарьян-Мара, ты здесь, на Ижме, ты на Цильме, по притоку там Печоры, — а мне какой-то такой маленький участок достался, Хабарицкий сельсовет. Там были, по существу... там очень длинные расстояния между деревнями. Но там очень было приятно работать, потому что я была одна, мною никто не командовал. Как моя совесть, и мои познания, и мои интересы складывались с людьми. Я вела себя очень просто. Со всеми как-то очень быстро сходилась <...>

И вот я приезжаю в эту деревню, знакомлюсь с людьми. Говорю там: где мне лучше пожить? Ну, вот там-то — показывают какое-то местечко мне для жилья. Я обосновываюсь, потом, если я увидела, что у меня тут получается, я остаюсь надолго. Иногда меняю квартиру, в зависимости от моего интереса к собеседнику. И вот мне тут пришлось услышать и увидеть то, что я уже никогда больше не увижу и не услышу. Я попала в какое-то место определённое, что ли, или так меня ситуация застала. Шёл момент мобилизации людей на фронт, мужиков, мужчин. И на эту деревню (Хабариха деревня называлась) пало какое-то большое количество, не один десяток, людей, мужчин — наиболее молодого, и среднего, и даже пожилого возраста. Вот пришли списки: такие-то люди моби-

А. П. Разумова. Фото 1948 г.

лизованы. Оказывается, у них у всех сохранился такой обряд, который когда-то в старину жил, когда в рекруты провожали. Каким-то образом они там сохранили по-своему уже, по сегодняшнему дню.

Был объявлен по деревне, без особой огласки, день проводов. И вот, значит, зашумело, и моя хозяйка всё: «О, Пална, ведь на берег поедем, на берег поедем». Что такое «на берег поедем», почему? А там Печора, когда течёт, значит, так левый берег — заливные луга. Они туда перегоняют весь свой скот на лето, они там пасутся. Они там масло делают, там сметану делают и всё, все молочные продукты перерабатывают. В деревне остаются только некоторые. И вот, в этот момент ещё скотина была туда не перегнана, на тот берег. Большинство населения оставалось здесь. А этот берег крутой. И на крутой горе там такая красивая деревня. Исключительные краски — поросшие разной растительностью вот эти вот взгорья такие. Очень красивый берег. Так вот: «Пална, ведь на берег поедем». Я говорю: «Так я — на чём я-то поеду?» — «Я тебя возьму, на свою лошадь посажу, поедем верхём». А я «верхём» никогда не ездила и в жизни не садилась. И мне пришлось впервые ехать верхом на лошади без седла, вот с этой женщиной, с хозяйкой.

Приезжаем туда — тихонечко ехали, — приезжаем туда: там уже народу собралось, катагары везде расставлены. Катагары — это такие большие типа таких шатров из простыней, из брезента, у кого

что есть. Комаро-о-ов — сила комаров! Не видно на метр человека, прямо тучей. Гнус, как они называют. Там и провожающие, там и отъезжающие, там и ребяташки, там и костры горят, там и песни поют, там и чайники кипят. В общем, угощаются, кто чего там принесли, привезли с собой. В общем, они в течение долгого, длительного периода дня, они ожидают корабль, то есть пароход, который придёт и заберёт отъезжающих на фронт, — они провожают. Как провожают — вот своим присутствием, своими словами, своими наказами. Вот, все знают, что едут они не на какую-нибудь гульбу, а едут защищать родину, и всё. И вот появляется этот корабль, откуда-то там из-за песков там макарьерских, из-за такой ложбинки появляется червлёный корабль — это они называют красный корабль, то есть нарядный корабль. Уже там от Нарьян-Мара кто-то там сели на этот корабль, едут уже, кричат: «О! О! К нам подходите, подходите, у нас... полку нашего прибыло». Там целая группа уже будущих солдат, вояк фронта, и сажают наших.

Тут начинается такой коллективный — не сплошь коллективный, а индивидуально-коллективный, всё сливается во единый звук, — такой продолжительный вопль! И причитания выливаются из уст каждой женщины, которая того или иного своего родственника провожает. Там, жена мужа, сестра брата, или, там, племянник уезжает, тётка провожает. Тут можно только выявить, что кто-то плачет и что-то говорит, но выявить слова и записать в данный момент — а ведь важно записывать в момент произношения — невозможно. Я выявляю, конечно, целый ряд женщин, перехожу от одной пары прощающихся к другой там, к третьей. Потом надо вести себя деликатно, чтобы их не прерывать, и быть очень таким внимательным человеком и душевным. И вот, это у меня всё очень получилось. Я выявила очень много плакальщиц, которые знают прекрасно причеть. Я причеть эту потом записывала тут же вечером и ночью у некоторых девушек и женщин, прямо по горячим, как говорится, слезам. Но уж не буду кривить душой: в процессе самих проводов, сам этнографический процесс вот этот вот, проводов, и всего отношения к друг другу и так далее я могла увидеть своими глазами, но, к сожалению, у нас ни магнитофона, ни фотоаппарата, ни даже ручки с пером — писали карандашом на какой-то затрапезной бумаге и даже на уголоч-

ках вот, на полях газет, которые у нас были в руках. Вот на этих вот уголочках писали и записывали.

Пришли. Приехали в деревню, опять верхом на лошади. Приехали в деревню, значит, разговоры такие, очень интересные. Но они, конечно, уже в таком раже, что они такие убитые горем, и всё такое. Мне очень деликатно приходилось с ними разговаривать там. Вспоминать его жизнь, отъехавшего, как она с ним жила — или, там, мать, или жена по отношению к уехавшему. Всё это я записывала, мы вели такие дневнички. И, в общем, происходило такое как бы повторение того, что они уже сказали. Но они никогда тот плач уже не повторят. Они уже скажут другими словами: содержание будет одинаковое, но повторного такого уже плача не записать. У меня такого, конечно, плача, как на самих проводах, не получилось, и не могло получиться ни у кого.

Но оказалось, что, когда люди-то вот, наши-то все студенты, собрались и когда я им всё это рассказывала, — никому этого больше не удалось записать и быть на таких проводах. Как-то получилось, что я попала просто случайно именно на такой вот момент проводов. Ну, я воспользовалась этим: к одной прицепилась, грубо говоря, к другой, к третьей. И одну, Елену Фёдоровну Поздееву — я особенно остро почувствовала, что она что-то очень много знает по этой причети. Я говорю: «Елена Фёдоровна, вы такая молодая...». Я к ней жить переселилась. Она одна осталась, муж уехал. Она на нём от слёз и горя вот так напололам аж рубашку разорвала. От горя, что не знала, как его... там, обнимала и целовала всячески, потом, значит, дёрнула... Ой, мужчины застеснялись страшно, что: «Да будет вам, да будет вам, да чего вое-те, мы приедем обратно, и ничего с нами не случится». А кто знает? А может, некоторые не приехали, не знаю.

В общем, я в этой экспедиции была больше времени, чем все остальные, на долгий срок. Я была около двух месяцев в этой экспедиции.

Примечания

¹ Научную биографию и список трудов А. П. Разумовой см.: Кулешов Е. В., Лурье М. Л. «...Я постараюсь все это не забывать» (К юбилею Александры Павловны Разумовой) // ЖС. 2001. № 4. С. 45—46.